

Маслиха», «Дворянка» (старуха-черничка Забаиха) и пр. Нѣкоторые изъ этихъ эпизодовъ мы опять не затруднимся причислить къ лучшему, что есть въ нашей литературѣ о народѣ... Но роковымъ образомъ эти стороны, вызывающія сочувствіе писателя, всего чаще занимаютъ въ жизни лишь второстепенное мѣсто и роль страдательную. Подобныя личности скрашиваютъ нравственную нищету деревни, но они не въ состояніи помочь ей... Укажемъ здѣсь, кстати, въ ряду сочувственныхъ писателю типовъ, двухъ птицелововъ-любителей: это—деревенскій пономарь и отставной унтеръ, въ разсказѣ «Сельское ученіе»; этотъ прелестный эпизодъ можетъ напомнить знаменитыхъ «Пѣвцовъ» Тургенева.

Выше мы замѣтили, что эти изображенія народной жизни у Левитова были вообще результатомъ близкаго, внимательнаго наблюденія, что въ нихъ нерѣдко можно встрѣтить подробности чисто автобіографическаго характера. Біографъ Левитова отчасти указалъ такіе эпизоды и ихъ можно было бы еще умножить: описаніе «Степной дороги» во многихъ случаяхъ передаетъ собственные приключенія и размышленія автора ¹⁾; «Петербургскій случай», гдѣ чиновникъ Померанцевъ, погружаясь въ воспоминанія своей юности, теряетъ рассудокъ, весь переполненъ собственными воспоминаніями писателя—о семинарскомъ бытѣ, экзаменахъ, товариществѣ, педагогическихъ истязаніяхъ, ученическихъ сочиненіяхъ, сельскомъ духовенствѣ и т. д. ²⁾; разсказъ «Говоря-

¹⁾ Напр. т. I, стр. 133 и др.

²⁾ Т. II, стр. 700, 703, 711, 713, и др. Укажемъ здѣсь еще любопытныя разсужденія сумасшедшаго Померанцева о русской литературѣ:

«—Какая такая литература? Правовъ нѣтъ! Есть чортъ знаетъ что, которое всегда прощать должно, а темъ для литературы нѣтъ... Слѣдовательно? Ну и ея нѣтъ.. Смѣяться даже лѣнь надъ этимъ безысходнымъ нигкуда-негодяйствомъ...

— Ну, что тамъ еще? Что у тебя еще есть?—спрашивала у безотвѣтно молчавшей сѣни Иванъ Николаевичъ.—Пушкинъ-то? Пріятно слышать! Ха, ха, ха! Руслана и Людмилы я никогда не видалъ и видѣть нужды не имѣю...

— А впрочемъ, Ваня, я люблю Пушкина, какъ личность. Я злюсь тогда, когда читаю, что онъ произвелъ—и вотъ видишь почему (тутъ Иванъ Николаевичъ понизилъ до шопота голосъ): — потому что оно могло быть лучше сдѣлано. Понимаешь, душе!..

— А то у васъ, Ваня,—говоритъ онъ,—Гоголь былъ, такъ, вѣдь, это тоже опять бѣда! Нашему брату, который самъ до всего долженъ додумываться, его и читать-то, по настоящему, не слѣдуетъ. Околѣть можно отъ этого горькаго смѣха, отъ этого смертнаго унынія. «Смѣхомъ моимъ горькимъ посмѣюсь!» написали на его могилѣ. Славный девизъ! Вотъ гербы! Какъ это, Ваня? Русь! Русь! Вижу тебя изъ моего прекраснаго далека!.. Забылъ подлинныя слова... Онъ далъ намъ нравы! Или не то, что далъ, а научилъ насъ подмѣчать въ людяхъ настоящіе нравы. Это—основатель